

Глава 60. Зеркало 08

Мин Чжаолинь склонил голову набок. Он ещё ничего не сказал, но этот жест сам по себе многое выражал.

Поэтому Лу Хуэй решительно повернулся к другому человеку — к Вэнь Юаньшую, которого он только что вызвал, а потом проигнорировал. Тот стоял неподвижно, с пустым взглядом:

— А у тебя было такое?

Слух у Вэнь Юаньшуя был неплохим — его способность [Властитель] давала пассивные бонусы, в том числе усиливающие физические параметры. Плюс окна были открыты, так что он расслышал предыдущий разговор.

— ...Теперь, когда ты так сказал — да, было. — ответил Вэнь Юаньшуй.

Он скрестил руки на груди, одной рукой подперев локоть другой, а кулаком упёрся в подбородок и задумался:

— После входа в этот инстанс почувствовал какое-то странное беспокойство.

Говорил он спокойно, так что поверить в его «беспокойство» было непросто, но Лу Хуэй поверил.

Вэнь Юаньшуй... умел отлично притворяться.

Лу Хуэй снова почувствовал, как зашлась голова:

— Значит, у предупреждения «не смотри в зеркало» появляется дополнительное подтверждение.

Он вздохнул:

— Среди усиливаемых негативных эмоций наверняка есть и [страх].

Насчёт связи страха и зеркал у него уже была определённая гипотеза.

Лу Хуэй считал, что двойники питаются эмоциями. Страх или что-то подобное — вот что создаёт условия для появления [прошлой версии себя в зеркале].

Проверить эту теорию было одновременно просто и невозможно.

Просто — потому что у Мин Чжаолия точно не было бы [страха], не было бы ощущения «тот в зеркале — не я» и прочих эмоций, способных породить двойника. Да и [прошлого Мин Чжаолия] просто не существовало. Значит, если он посмотрит в зеркало и ничего не случится — теория подтвердится.

А вот сложность состояла в том, что в этом инстансе триста семьдесят две группы. То есть одновременно существует триста семьдесят два зеркальных мира, и время в каждом течёт по-разному. Лу Хуэй даже не знал, не добрался ли уже кто-то до [30 мая].

Перепробовать все триста семьдесят два варианта прыжков они не могли.

Лу Хуэй опустил руку и снова вздохнул:

— Ладно. Некоторые инстансы просто нельзя пройти в спешке.

Он предупредил Вэнь Юаньшуя:

— Следи за своими «людьми».

Вэнь Юаньшуй сделал знак «спокойно», приложив два пальца к надбровной дуге:

— Понял.

Лу Хуэй закрыл окно, и они с Мин Чжаолинем вернулись в гостиную. Хэ Чжи и Ван Лихай, наконец-то решившиеся заговорить после того, как перетащили оглушённых Чжу Люй и Ци Бая на диван, нерешительно подали голос:

— Э-э...

Хэ Чжи сказал:

— ...На самом деле моя способность — [Сон]. Одно применение действует двенадцать часов, и есть куча ограничений... Но сейчас они как раз подходят под условия. Может, использовать?

Лу Хуэй приподнял бровь:

— Используй. Лишняя страховка не помешает.

В конце концов, это были не настоящие люди, а двойники.

Лу Хуэй уточнил:

— Как часто можно применять способность?

— Раз в сутки. — поспешно ответил Хэ Чжи. — Но! Способность Ван Лихая — [Удлинение]. Он может продлить действие моей способности до двадцати четырёх часов. Мы проверяли.

Лу Хуэй замерев, задумался:

— Вы... из команды Ян Цзытаня?

Ван Лихай и Хэ Чжи опешили, смутившись и Лу Хуэй улыбнулся:

— Не волнуйтесь. У нас с ним нет вражды. Просто он обожает такие «комбинации способностей», вот я и подумал — может, вы из его отряда.

Насчёт ограничений способности Хэ Чжи Лу Хуэй уже примерно догадался. Скорее всего, нельзя использовать на полностью бодрого и осознанного человека — только на спящего или крайне уставшего.

...Если говорить проще — это битва ментальных сил. Если Хэ Чжи столкнётся с кем-то слабее его духом, окажется, что не обязательно ждать, пока противник устанет. Просто большинство игроков не хватает смелости многократно экспериментировать и тратить попытки на изучение своих способностей.

Вообще, в этом игровом мире способности — это козырь, но не спасательный круг. Козырь нужно открывать, когда приходит время. Он не обязательно спасёт жизнь, но точно является частью силы — как человеческий потенциал. Не развиваешь — так и не узнаешь на что способен.

К сожалению, многие игроки этого не понимают.

Большинство цепляется за свои карты, не понимая, что карты не трава. Держать их в руках бесполезно. Нужно играть ими.

Честно говоря, Лу Хуэй считал, что Хэ Чжи и Ван Лихай, рассказав о своих способностях, уже опередили многих игроков.

Те не стали подтверждать его догадку, и лишь смущённо улыбнулись.

Такая способность, бесспорно, удобная.

Лу Хуэй с Мин Чжаолинем хотели ещё раз убедиться, что квартира [29 мая] полностью идентична [28 мая], поэтому они снова обыскали всё помещение.

Особого труда это не составило.

Всё равно им предстояло сидеть тут до третьего дня — Лу Хуэй мог потянуть время.

Он никак не мог придумать, как объяснить Мин Чжаолиню, почему он не рассказал о том, что почерк на записке напоминает его детский.

Дело в том, что раньше, если бы он спросил Мин Чжаолиня, почему тот так настойчиво интересуется этим, тот бы надулся и замолчал. А сейчас... сейчас Мин Чжаолинь наверняка нарочно скажет что-нибудь двусмысленное, чтобы сбить его с толку.

...Сдаюсь.

Он правда не понимал, почему Мин Чжаолиню так нравится применять приёмы, где врагу достаётся тысяча, а себе — восемьсот*.

* 千钧一发, 一败涂地 (shāng dí yī qiān, zì sǔn bā bǎi) - идиома, описывающая тактику пирровой победы: нанесение урона противнику ценой непропорционально высоких собственных потерь.

Закончив проверку, Лу Хуэй опустился на кровать. Ноги свисали до пола, взгляд устремился в потолок. Там, среди белизны, выделялись едва заметный бугорок и небольшое пятнышко плесени.

На пару минут он позволил себе расслабиться.

Он был человеком, а не машиной и уж точно не богом. Ему тоже было тяжело.

Подошёл Мин Чжаолинь, в руке у него была кружка с водой. Лу Хуэй глянул на него, и сам не зная о чём думал, протянул руку.

Обычно люди подумали бы, что он просит помочь встать. Но Мин Чжаолинь поставил кружку ему в ладонь.

И Лу Хуэй, и Мин Чжаолинь — оба почувствовали в этом жесте что-то странное. Но ни один из них этого не заметил. А Лу Хуэю вода и правда была нужна.

Схватив кружку, он сел, сделал глоток и почувствовал, будто вернулся к жизни. Сделав лёгкий выдох, он пробормотал:

— Записки больше нет...

Это тоже важная зацепка.

Значит, в [28 мая] точно есть что-то особенное.

Мин Чжаолинь, обыскивая помещение, распустил волосы. Он вообще не любил их собирать — Лу Хуэй описывал это как ощущение «стеснённости». Мин Чжаолинь был чистокровным доминантом — ему нравилось контролировать, но не нравилось быть под контролем. Даже в инстансе деревни Цзюаньлоу, когда из-за привязки к Лу Хуэю он начал ощущать боль, возбуждение приходило от того, что боль он причинял себе сам, а не от чужого воздействия.

Это было совершенно не то.

А сейчас Мин Чжаолинь скрестил руки на груди и смотрел на Лу Хуэя, в голосе слышалась откровенная заинтересованность:

— А-Мань.

Он слегка склонил голову, не подхватывая тему Лу Хуэя — новых зацепок к дате не было, и добавить было нечего. Улыбка его стала опасной:

— Ты так долго тянул... Наверняка придумал отличный способ меня обмануть, да?

Лу Хуэй: «.....»

— Ты же сам знаешь, почему я молчу. Зачем мне объяснять, почему я не объясняю?

Он собрался сделать ещё глоток воды, как вдруг почувствовал, что Мин Чжаолинь ринулся вперёд. Лу Хуэй без раздумий поднял руку для защиты, но силу приложил небольшую, так как не уловил в движении серьёзного намерения убить. Поэтому не ожидал, что Мин Чжаолинь надавит с такой силой, что его швырнуло на кровать. Перед глазами потемнело, раздался звон падающей кружки и плеск воды, а в следующий миг Мин Чжаолинь прижал его к постели.

Удар был сильнее, чем если бы он просто лёг, поэтому спина заныла, а голова закружилась.

Лу Хуэй ещё не успел выдохнуть «с ума сошёл?», как Мин Чжаолинь схватил его за горло. Сила была немалой и ощущение полуудушья нахлынуло мгновенно.

Лу Хуэй почувствовал, что с ним что-то не так. Потому что он не испугался. Первой мыслью было не «как заставить его отпустить», а «что на этот раз».

Из-за этого Лу Хуэй лишь прищурился, не предприняв попыток сопротивления, позволив Мин Чжаолиню одной рукой прижать его руку к постели, а другой — сжать горло, даже усилив хватку.

В этот момент Лу Хуэй невольно вспомнил сцену взрыва зеркала — как Мин Чжаолинь без раздумий встал перед ним, заслонив собой...

Воздух вокруг стал одновременно опасным и странно, тревожно-интимным.

Мин Чжаолинь сидел верхом на ногах Лу Хуэя, блокируя любую возможность контратаки. И рука на горле, и та, что держала запястье — обе прилагали усилие. Не смертельное, но достаточное, чтобы Лу Хуэй инстинктивно раскрыл рот в поисках кислорода.

Он смотрел, как в узких раскосых глазах Лу Хуэя мгновенно проступила физиологическая влага, уголки глаз покраснели, лицо исказилось от боли, тело начало инстинктивно бороться за жизнь...

Мин Чжаолинь обвёл языком губы. Ему нравилось, когда Цзюнь Чаомань выглядел уязвимым. Особенно учитывая, что обычно тот держал всё под контролем, с видом всезнайки.

— А-Мань. — Мин Чжаолинь наклонился, прильнув губами к уху Лу Хуэя и с искренним удовольствием в голосе прошептал, — Ты в таком виде самый красивый.

...Сумасшедший.

Когда Мин Чжаолинь его отпустил, Лу Хуэй машинально схватил подушку и изо всех сил, какие остались, швырнул её в него.

Но Мин Чжаолинь вновь схватил его за запястье — лёгкое усилие, и ладонь Лу Хуэя разжалась. Подушка упала между ними, рука безвольно повисла в захвате. Лу Хуэй повернулся на бок, закашлявшись, и глубоко вдохнув, и выдохнув, бросил:

— Псих.

Мин Чжаолинь приподнял бровь, улыбнулся:

— А-Мань, я давно хотел сказать — твоя ругань, всё равно, что кокетство.

Лу Хуэй: «?»

Он быстро пришёл в себя — на этот раз Мин Чжаолинь не собирался его убивать, лишь слегка придушил, даже до полубессознательного состояния не довёл. Поэтому Лу Хуэй был полон сил:

— Что ты сказал?!

Он приоткрыл губы, готовый обрушить поток оскорблений, но, встретившись взглядом с ухмыляющимся, сияющим лицом Мин Чжаолиня, вдруг замолчал.

Дело в том, что...

Мин Чжаолинь был идеален для него во всём.

Ведь это он сам создал этого главного героя.

И... Мин Чжаолинь был его любимым персонажем.

К нему у Лу Хуэя всегда было немного особое отношение.

Поэтому Лу Хуэй цокнул языком и попытался вырвать запястье:

— Отпусти... И слезь! Ты! Тяжёлый как чёрт!

Мин Чжаолинь слез, но потянул Лу Хуэя за собой, поднимая его.

Он смотрел, как на шее Лу Хуэя проступают следы от пальцев — будто метка на добыче. В глазах мелькнуло удовлетворение, брови приподнялись. Лу Хуэй раздражённо махнул рукой, велел убрать кружку и воду с пола — и Мин Чжаолинь послушно это сделал.

Что до ночёвки... хотя свободных комнат и стало больше, спали они всё равно вместе.

Просто ни один из них об этом не заговорил.

На следующий день время снова автоматически сбросилось на [29 мая], и Лу Хуэй невольно вспомнил моду в сетевых романах на «Я застрял в одном и том же дне на XX лет».

Читая — казалось круто. Прожив — понимаешь, что это пытка.

Для человеческой психики это настоящее испытание.

И в этот день они тоже не сидели без дела — точнее, сидеть без дела было бессмысленно, лучше уж обыскать всё ещё раз.

Финал был предсказуем: целый день поисков и ни одной зацепки.

Лу Хуэй с Мин Чжаолинем сели только к ужину. Телевизор работал весь день, но без отклика. А ближе к вечеру — примерно в то время, когда в [28 мая] шли новости — экран вдруг мигнул. Лу Хуэй быстро глянул на часы:

[16:43]

После вспышки телевизор начал показывать новости.

На этот раз в новостях была указана дата [28 мая]. Как и раньше, новости шли без «головы» ведущего, без звука, и весь ролик постоянно мерцал. Но заголовок всё равно можно было разобрать:

[После массовых сообщений о пропаже детей в шестом жилом комплексе зафиксирован первый случай исчезновения взрослого]

Зрачки Лу Хуэя сузились. На миг множество разрозненных вопросов соединились единой нитью, и в его голове зародилась новая догадка.

Эти новости оказались гораздо короче предыдущих — не было ни кадров с камер наблюдения, ни угроз с трупами. Просто незаконченный репортаж, который внезапно пошёл снежной рябью и погас.

Честно говоря, когда после долгого ожидания ужаса ничего страшного не происходит, облегчение превращается в нечто ещё более жуткое и мурашки бегут по коже с новой силой.

Лу Хуэй выдохнул, сжал переносицу пальцами и пока не стал связываться с Вэнь Юаньшумем.

Сначала нужно было проверить записку за третий день.

Мин Чжаолинь не стал задавать лишних вопросов, лишь уточнил:

— Разобрал по губам?

Лу Хуэй кивнул:

— Ничего нового.

В основном повторялось то, что было в заголовке.

Благодаря помощи Хэ Чжи и Ван Лихая они благополучно дождались третьего дня и увидели новую записку:

[НЕ ВЕРЬ МНЕ!!!]

На этот раз она была написана синей ручкой, но почерк остался прежним — примерно такой, как у восьмилетнего Лу Хуэя, когда тот ещё писал каракули.

Хотя и сейчас его почерк оставлял желать лучшего. Хоть он и занимался по прописям какое-то время, и в буквах уже угадывался намёк на изящество, но в целом всё равно напоминал змеиные извивы.

— А-Мань.

— М-м.

Лу Хуэй протянул ему записку:

— Очевидно, ты думаешь о том же самом.

Дело не в том, чтобы не верить записке. А в том, чтобы не верить «мне» — то есть не «Цзюнь Чаоманю» как таковому.

Речь о двойниках. О бесчисленных «я». О «я» каждого игрока.

Значит...

У этих двойников есть ещё какие-то «функции»?

Лу Хуэй задумался.

Пока что двойники кажутся лишёнными «души»... Но можно ли их как-то «оживить»?

Чем больше зеркал они разобьют — тем живее станут двойники? Или чем больше эмоций те впитают — тем реальнее станут? Если первое — то, пока не один игрок не разобьёт все зеркала для двух тысяч двухсот тридцати участников, есть шанс избежать беды. А если второе...

неужели отрицательные эмоции породят тёмных монстров? А положительные — создадут помощников, вторых «я»?

Лу Хуэй смотрел на размытое отражение в белой дверце шкафа и чувствовал, что начинает что-то понимать.

«Зеркало»...

Получив новую зацепку, Лу Хуэй с Мин Чжаолинем направились на балкон — как раз вовремя, чтобы встретить подошедшего Вэнь Юаньшуя с Цзинь Чэнцю.

Хэ Чжи и Ван Лихай тоже осторожно подошли. Лу Хуэй их не останавливал, Мин Чжаолинь тоже не выразил возражений — и они остановились у входа на балкон.

Лу Хуэй посмотрел на Вэнь Юаньшуя:

— Вы видели третью записку?

Тот кивнул:

— Да. И мы два дня держали телевизор включённым — появились новые новости... Вы видели?

— М-м.

Лу Хуэй и его команда тоже это заметили:

— Похоже, это подсказка, привязанная к [29 мая]... Значит, обе новости связаны с историей инстанса. Фильтрация игроков на жизнь и смерть начинается уже с кольца [28 мая]?

Последнюю фразу он произнёс скорее себе.

Те, кто не увидел новости, могут из-за упущенной зацепки обречь все дальнейшие усилия на провал. Хотя, если повезёт и другой игрок поделится информацией — шанс выжить всё равно остаётся.

В конце концов, это лишь отборочный тур, да ещё и первый раунд — разработчики вряд ли оставят только один путь к спасению.

Вэнь Юаньшуй склонялся к тому, чтобы подождать и посмотреть, что будет дальше. Но решение, очевидно, зависело не только от него. Если Лу Хуэй сейчас захочет перейти во времени — Вэнь Юаньшуй ничего не сможет поделать. В конце концов, тот может просто

разбить зеркало — и утащить всех с собой... Хотя, с другой стороны, перепрыгнуть вместе, пожалуй, даже лучше. Вэнь Юаньшуй подумал, что ему спокойнее рядом с ними, чем в одиночестве.

Поэтому он вежливо спросил Лу Хуэя:

— Каковы твои планы? А синий цвет для тебя что-то значит?

Лу Хуэй на секунду замер, не ответив на первый вопрос:

— Синий?

В голове мелькнула одна профессия — но он промолчал:

— ...Ничего особенного.

И небрежно добавил:

— Сейчас мне кажется, что цвет — не главное. Возможно, это просто дымовая завеса, чтобы мы гадали, какой в нём смысл.

Вэнь Юаньшуй: «.....?»

Он не понял:

— Но это же ты оставлял подсказки самому себе? Восемилетний ты так сильно недолюбливал будущего себя?

Его понимание третьей записки [НЕ ВЕРЬ МНЕ] совпадало с мнением Лу Хуэя и Мин Чжаолиня, но смысл последней фразы остался для него загадкой.

Лу Хуэй: «.....»

Мин Чжаолинь, прислонившись к панорамному окну, растянул губы в усмешке и лениво, с явным безразличием бросил:

— Тупица.

Вэнь Юаньшуй: «.....»

Лу Хуэй молча толкнул его локтем — мол, заткнись — и объяснил Вэнь Юаньшую:

— Ты не заметил, что все мои сообщения — по одной фразе, три слова, и три восклицательных знака?

Вэнь Юаньшуй пригляделся и кивнул:

— Точно.

Лу Хуэй продолжил:

— Когда мы гадали, какая записка правдива и зачем использованы разные цвета чернил, у меня уже мелькала одна догадка. А третья записка подтвердила её... на девяносто процентов.

Его тон оставался небрежным, будто додуматься до этого было обычным делом:

— Я думаю, у каждого из нас есть «детская версия». И эта детская версия находится... возможно, в [реальном мире], а может, в каком-то другом пространстве. Но с огромной вероятностью — вместе с боссом этого инстанса.

На эту гипотезу его навела именно та новость.

Лу Хуэй усмехнулся, в его глазах мелькнул азарт, которого он сам не заметил:

— А я, видимо, сделал что-то, что привлекло внимание босса. И мы с ним сыграли в игру или заключили пари. В определённых условиях он может передавать мне информацию. А условия эти — либо «использовать разные цвета ручек», либо «обязательно ставить восклицательные знаки», либо «начинать с [не]»... или все три сразу.

Хэ Чжи осторожно поднял руку:

— А почему «обязательно ставить восклицательные знаки» тоже считается условием?

Лу Хуэй невнятно промычал:

— В детстве я не любил этот знак препинания. Считал его неподобающим для спокойного и уравновешенного человека. Три восклицательных знака подряд — это уже не я, это выход за рамки характера*.

* «Выход за рамки характера» (ООС — out of character) — термин из ролевых игр, означающий поведение персонажа, не соответствующее его каноническому характеру.

Вэнь Юаньшуй всё понял:

— Значит, босс наложил столько ограничений, чтобы мы усомнились в записках. Но на самом деле каждая из них может быть правдой... Но почему именно ты?

Он не понимал:

— Тебе что, настолько везёт?

Именно его выбрал босс.

Лу Хуэй фыркнул, не став углубляться в объяснения, а вернулся к запискам:

— Я не считаю их абсолютно надёжными. В таких ограниченных условиях передать много информации невозможно. Возможно, «не разбивай» относится к определённому зеркалу, «не смотри» — тоже к конкретному, а «не верь мне» — к определённому «я».

Но это не значит, что три фразы лишены смысла. Наоборот — настоящая информация скрыта не в этих девяти словах, а в том, что за ними стоит. В догадках самого Лу Хуэя.

Лу Хуэй мысленно усмехнулся.

Его восьмилетнее «я» тогда было просто божественно.

А сейчас... с годами явно деградировал.

Вэнь Юаньшуй спросил:

— И что ты собираешься делать?

Лу Хуэй выдохнул и сообщил факт:

— Мы уже упустили ограниченную подсказку [30 мая]. Даже если сейчас разбить зеркало, скорее всего, окажемся сразу в [31 мая].

Вэнь Юаньшуй помолчал:

— И как ты думаешь?

Вариантов было два: ждать новых подсказок от восьмилетнего Лу Хуэя или искать зацепки внутри инстанса.

Разбивать зеркало — плохая идея, это и так понятно, не нужно перечислять все минусы. Но ждать подсказок от ребёнка — тоже не лучшее решение. Потому что возможности его ограничены. И...

Босс может вмешиваться в действия восьмилетнего Лу Хуэя.

Лу Хуэй закрыл глаза, а открыв, уже знал ответ:

— Я не стану возлагать такую ответственность на ребёнка.

Пусть даже восьмилетний он был похож на бога.

Но он и так уже слишком много на себя взвалил.

Лу Хуэй посмотрел на Хэ Чжи:

— Снимите с них своё воздействие.

.

Когда Ци Бай и Чжу Люй открыли глаза на диване, они выглядели растерянными — особенно Ци Бай.

Ци Бай потёр виски и увидел улыбающегося Лу Хуэя перед собой:

— Ты проснулся.

Ци Бай:

—Брат?

Ему стало не по себе:

— Что случилось?

— Хочу кое-что спросить.

Лу Хуэй улыбнулся:

— Сколько тебе лет?

Ци Бай, хоть и удивился, но ответил:

— Девятнадцать... девятнадцать по китайскому счёту*.

* 岁 (suì) — традиционная китайская система подсчёта возраста (年龄, xū suì), где ребёнку при рождении даётся 1 год, а каждый китайский Новый год возраст увеличивается на единицу — независимо от дня рождения. В официальных документах сейчас используется западная система (周岁, zhōu suì), но «xū suì» сохраняется в повседневной жизни.

Хм?

Лу Хуэй мысленно удивился.

Этот ответ отличался от ответов Люй Пин и Жэнь Цзюя. Потому что это уже «второй уровень»? Значит, восприятие двойников отличается?

Восемнадцать лет...

Раньше Ци Бай говорил Лу Хуэю, что ему двадцать по западному счёту.

Что особенного произошло с Ци Баем в восемнадцать лет?

Мысль мелькнула и исчезла — Лу Хуэй не стал углубляться:

— М-м. А помнишь, как попал в игровой мир?

Ци Бай на секунду замер, а потом оживился:

— Ах да, брат! Я ведь не рассказывал! Я так старался, поступил в университет своей мечты! А потом меня внезапно затянуло в эту игру! Бесит! Я даже не успел...

Он осёкся на полуслове.

Лу Хуэй поднялся, отступил на шаг и сверху вниз посмотрел на него с лёгкой улыбкой:

— «Ци Бай», ты правда ещё не учился в любимом университете?

Ци Бай открыл рот:

— Я...

Не успел он ответить, как Чжу Люй вдруг схватилась за голову:

— Что-то не так.

Её лисьи глаза стали ледяными:

— С моими воспоминаниями что-то не так.

Чжу Люй резко подняла голову на Лу Хуэя, словно хотела спросить, что происходит, но не успела — раздался двойной треск, будто лопнули два стеклянных сосуда.

Лу Хуэй закрыл глаза и услышал звон разбитого зеркала неподалёку.

— А-Мань.

В этот момент неспешный голос Мин Чжаолия прервал его мысли:

— Увидимся «послезавтра» ^^

...Увидишься сам.

Лу Хуэй хотел послать ему международный жест дружбы*, но уголки губ сами собой дрогнули в улыбке.

* эвфемизм для неприличного жеста.

С Мин Чжаолием проходить инстансы — на самом деле очень интересно.

Возникает ощущение игры, и это помогает оставаться в ясном сознании.

Авторское послесловие:

Ой-ой-ой

<http://bllate.org/book/12898/1569158>